

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ
ДАРЬИ ДЕЗОМБРЕ:

ПРИЗРАК НЕБЕСНОГО
ИЕРУСАЛИМА

ПОРТРЕТ
МЕРТВОЙ НАТУРЩИЦЫ

ТАЙНА ГОЛЛАНДСКИХ
ИЗРАЗЦОВ

ОШИБКА ТВОРЦА

ТЕНИ СТАРОЙ
КВАРТИРЫ

СЕТЬ ПТИЦЕЛОВА

ДОЧЬ ПОЭТА

ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ

ДАРЬЯ
ДЕЗОМБРЕ

СЕТЬ
ПТИЦЕЛОВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *О. Фатиховой*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Дезомбре, Дарья.
Д26 Сеть птицелова : роман / Дарья Дезомбре. — Москва : Эксмо, 2027. — 384 с.

ISBN 978-5-04-249720-9

Июнь 1812 года. Наполеон переходит Неман, Багратион отступает. Дивизион неприятельской армии останавливается на постой в имении князей Липецких. Вскоре там происходит страшное. Кто-то крадет крепостных девочек, а после их находят задушенными. Идет война, и официальное следствие невозможно. Но юная княжна Липецкая и майор де Бриак начинают свое расследование. Как отыскать во взбаламученном войной уезде след детоубийцы? Можно ли довериться врагу? Соседу? Что делать, когда в родной дом воплзает ужас, превращая близких в страшных чужаков?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249720-9

© **Фоминых Д. В., 2027**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2027**

Памяти Антона

Мы были дети 1812 года.
Матвей Муравьев-Апостол

Челобитная Митрополиту Tobольскому и Сибирскому преосвященному Антонию иеромонаха Мисаила духовного приказа Вознесенского монастыря об удалении от монастыря умалишенного N.
1794 года апреля 27 дня.

Ваше высокопреосвященство, премилосердый отец наш!

Покорнейше прошу благоволить к нижайшей просьбе моей, учинив отеческое милосердие. Согласно указу всемилостивейшей Государыни нашей, принимаем мы в обители до десяти заблудших душ мужеского полу в не целом уме для духовного исцеления и вразумления.

Так, прошлым сентябрем привезен был к нам человек средних лет, наружностью и манерами весьма приятный, большой охотник до игры в шахматы, чем сразу и расположил к себе отца игумена. Не отказываясь от монастырской работы, человек этот мало-помалу спознался с крестьянами окрестных деревень, давая им советы простые и дельные. И вскоре прошел слух о великой мудрости оного, и так о двадцати человек за день приходили под окно его кельи. Но к кому приходили они? Не к монастырскому травнику и не к его преподобию, а к безумцу! Однако ж, установив плату за свои советы по десять копеек медью, сей последний весьма помог скудной монастырской кассе, и, стыжусь признаться, мы с отцом игуменом были весьма довольны столь неожиданному источнику дохода нашей скромной обители.

Третьего же дня, после повечерия, отец игумен, вернувшись к себе в келию, совершил немислимое: выпрыгнул в окно с веревкою вокруг шеи и через то повесился. Невозможно и представить себе, как сей пастырь, столь чи-

стый духом и помыслами, позабыл о святом служении и совершил грех, равному которому нет. Позор, навлеченный на обитель чрез оное деяние, безмерен, и сам я таковым внезапным, какового во всю жизнь мою со мною не случилось, несчастьем столь поражен был, что несколько времени провел в беспамятстве. А пришед в себя, самолично осмотрел келию игумена и не нашел в ней ничего, что могло бы повлечь за собой проступок столь страшный. Его преподобие не получал в тот день писем, и единственное, чем занял свой невеликий досуг, — игрою в шахматы. Шахматная доска с неоконченною партией осталась стоять на столе, а приняхавшись, мне почудился в воздухе аромат лавандовой воды, коей, пренебрегая монастырским запретом, пользовался N. Впервые, по слабому рассуждению моему, пришла мне мысль присмотреться поближе к нашему новому постояльцу, у коего не приметил я по сию пору ни единого признака повреждения рассудка.

Ныне же, отправившись по хозяйственной надобности в селение, ближайшее к обители, выслушал я старосту — и похолодел. В том селении за единый месяц первый мужик заколол рогатиной отца своего, второй удушил кушаком жену, третий же до смерти прибил малолетнего сына-калеку. Ужас объял все естество мое, Ваше высокопреосвященство, егда узнал я, что оные трое душегубов бывали в нашей обители, где получали советы от безумца.

Воротившись, сыскал я последнего в курятнике за кормлением птицы. Подошел, взял за руку (а была она холодна, точно смерть) и спросил со всею строгостию:

— Отчего лишил себя жизни отец игумен?

Безумец же, подняв на меня недвижны очи, сощурил вдруг один глаз, оскатился, аки пес, и рек:

— П а pеdи¹.

¹ Он проиграл (фр.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Польше хлеба больше.

Поговорка

Князь настоял, а княгиня не смела перечить.

— Негоже подарки государевы оставлять без присмотра, — горячится погожим майским днем двенадцатого года его сиятельство: в этот день Джон Беллингем стреляет в английского премьер-министра. Там же, в палате лордов, заседает Джордж Гордон Байрон, опубликовавший пару месяцев назад первые песни «Паломничества» Чайльд Гарольда. Четвертый президент Американских штатов собирается объявить Англии войну за независимость. Плачет в своей лэндпортской колыбели младенец — Чарльз Диккенс. Бетховен пишет Седьмую и Восьмую симфонии, братья Grimm готовят к выходу том волшебных сказок. Мэттью Мюррей строит первый коммерческий паровоз для Мидлтонской железной дороги, а в Стаффордшире Томас Веджвуд — человек, чья фамилия известна князю и княгине лишь по прелестным фарфоровым чашкам, уж десять лет как трудится над созданием будущей фотографии...

Но сидящая напротив супруга княгиня вряд ли доживет до своего дагерротипного изображения (да и зачем оно нам — темное, не оставляющее пространства воображению?), навсегда оставшись в веке полупрозрачной акварели. Она опускает глаза, отказываясь озвучить тай-

ную причину своего нежелания ехать в Трокский уезд, а князь все говорит и говорит — да все не то, что хочет услышать супруга (весьма частый случай частного супружеского бытия).

Через полуоткрытое окно деревянного особняка в переулке близ Большой Дмитровки майский ветер доносит запах сирени из сада и дубленых кож — с Охотного ряда. Густо пахнет и навозом — но вонь эта является парфюмерной константой любого крупного города эпохи, и нос княгини даже не отмечает ее, как не чувствует загазованного воздуха современный москвич.

— А что доход маловат в сравнении с великоросскими деревнями, — продолжает излагать ненужное его сиятельство, — так забрось, как ляхи, имения, оставь арендаторам и останешься сам — с носом. *Sublata causa, tollitur morbus.*¹ Без хозяина и дом — сирота (как многие просвещенные дворяне, князь с легкостью женит латынь с народной мудростью).

Княгиня же, перебирая унизированной кольцами рукой домашнее свое платье, размышляет не о хозяйственных нуждах его сиятельства, а о своих, знакомых матерям каждой девицы на выданье, обязанностях. Она знает — нынче летом государь, а значит и весь императорский двор, будут в Вильне. А дочь ее, княжна Авдотья, вздыхает Александра Гавриловна. — выезжает вторую зиму, однако успехи ее в свете, увы, невелики. Скромнее, чем ожидала княгиня, учитывая положение семьи и даваемое за княжной приданое. За масленичные балы княгиня смирилась было с тем, что дочери не суждено составить блестящую партию. Однако возможность сойтись с лучшими петербургскими фамилиями в обстановке, далекой от столичной чопорности, вновь оживляет ее матримониальные мечты: она переводит серые прозрачные глаза свои на князя и он наконец читает в них согласие.

¹ С устранением причины устраняется болезнь (*лат.*).

— Вот и славно, княгинюшка, вот и славно, — целует он супругу в еще нежно-розовую со сна щеку и быстро — покамест та не передумала — выходит из гостиной.

* * *

И никто, никто не потрудится объяснить Александре Гавриловне, что ежели государь и доберется до дальних и пыльных границ безбрежной своей империи, то лишь оттого, что многолетние слухи о войне с Буонапартом подтвердятся. А значит, и Вильна, и все западные губернии окажутся на самом что ни на есть передовом рубеже наполеоновской армии. Впрочем, сам князь следом за графом Федором Васильевичем был свято убежден, что войне с «Буонапартием» не бывать. Давние приятели по Англицкому клубу, Ростопчин с Липецким с неделю как со вкусом обсуждали выгодный мир с турками: Бессарабия присоединена к России, гордый росс, как исстари, встал на берегах Дуная. Мир, мир!

А Буонапарте — что?

— Не хватит у корсиканского выскочки наглости замахнуться на Россию-матушку, — повторяет то и дело князь. — Чай, не наполетанское королевство — откуси да выплюни.

«И не Пруссия, Австрия, Португалия и Италия», — начнет перечислять сидящая рядом с французским романом дочь его Авдотья. Но только про себя. Одно перечисление успехов «маленького капрала» приводило у старшего Липецкого к разлитию желчи и дерганью старой, полученной в турецкой же кампании, колотой раны в правой ладони. «Далеко шагает, пора унять молодца!» — цитирует он старика Суворова, заканчивая сими златыми словами любые дискуссии о Буонапарте.

А Авдотье (как, впрочем, любой барышне ее круга) был симпатичен свежее испеченный император: вознесшись ниоткуда, он усмирил революцию и покорила полмира, а покорила, бросил его к ногам вдовы Богарне. Помилуйте, есть ли на свете что-нибудь романтичнее? Наполеону по-

везло быть воплощением романтического героя в эпоху культивирования романтизма, — заметим, два с лишним века спустя никто из полководцев так и не смог его в том перепллунуть. И пусть развод двух любящих сердец немало нашу княжну опечалил, но (как писала Авдотья сердечной подруге Мари Щербицкой) трагедия императора в том и состоит: прежде вынужден он думать о процветании подвластной ему империи, и лишь засим — о личном.

Тем временем из Петербурга, из кругов, весьма близких к Аничкову, плыли в старую столицу эпистолярные сплетни: мол, сам государь Александр Павлович дважды отказал Буонапарту в супружеском — и морганатическом! — счастье. Сначала в руке великой княжны Екатерины, а два года спустя и великой княжны Анны, спешно обрученной с принцем Оранским, — лишь бы не досталась наглому корсиканцу. И об этом тоже жале-ла Авдотья, ибо сей отказ полностью рушил ее надежды увидеть блестящего Буонапарте среди ликующей толпы где-нибудь неподалеку от Успенского собора. О пышной императорской свадьбе мечтала княжна, не о войне.

О войне она и не думала.

* * *

Сборы в имение каждый год повторялись с привычностью кошмара. Степенный московский дом Липецких перевернут был вверх дном — двигали мебель, снимали картины и зеркала, наполняли доверху дорожные сундуки. Княгиня металась по комнатам, вздымая юбками неизбежный при великом летнем переселении сор из оберточной бумаги, веревок и сена (им прислуга обкладывала посуду и хрупкие безделушки из гостиной). Теснились во дворе подводы — какие пустые, какие уже просевшие под господским скарбом. Перекрикивались с бестолковой в предъютъездной суете дворней возницы. Жмурились, отмахиваясь от мух, разбитые лошади с подвод. Свесив языки и тяжело дыша, лежали под экипажами дворовые собаки.

А в господском доме беспрестанно что-то падало, звенело, хлопало. Хозяйская рука раздавала оплеухи щедрее обыкновенного. Николеньку с дядькой, от греха подалее отправили на прогулку по Тверскому, старшие же брат с сестрой сидели тише мышей на широком подоконнике отцовской библиотеки меж тяжелыми гардинами и зеленоватым оконным стеклом, деля меж собою крепкое берсдорфское яблоко. Они грызли яблоко, сохраненное с прошлого урожая в сухих и прохладных подвалах московского дома, и лишь переглядывались, услышав особенно громкий маменькин взвизг: совсем юные, вчерашние дети — хоть одна, ежели завтра замуж навсегда оторвется от родимого дома, а второй не сегодня-завтра отправится умирать за Отечество. Но покамест Алексей перелистывал любимых своих философов, а Дуня, сдвинув рыжие брови, вчитывалась в брошюрку некоей Олимпии де Гуж (опусы Олимпии, почти двадцать лет запрещенные во Франции, тайно были вывезены Алексеем на дне сундуков из Европы).

«О, женщины! Когда же вы прозреете? — читала княжна Липецкая, девятнадцати лет от роду, а молодой князь Липецкий, двадцати двух годов, прятал улыбку, видя ее озадаченное лицо. — Что получили вы от Революции? Или вы боитесь, что наши французские законодатели снова спросят: “Женщины, а что же у вас общего с нами?” — “Все”, — ответите им вы». Авдотья растерянно оглянулась на брата, но тот сделал вид, что крайне увлечен *Phänomenologie des Geistes*¹. Сдержав пораженный вздох, она вернулась к книге.

— «Довольно прятаться за спиной у мужчины! Что есть брак, как не могила доверия и любви?» — продолжала мятежная Олимпия. Дуня испуганно вздрогнула. Могила?! Доверия и любви?!

Тем временем за стеной библиотеки происходила сцена, вполне иллюстрирующая страстные воззвания мадам де Гуж. Утомленная сборами Александра Гаври-

¹ «Феменология духа» (нем.) — работа Г.В.Ф. Гегеля.

ловна в сердцах не удержалась и выдала не успевшему укрыться в Англицком клубе папеньке истинную причину своего нежелания отправиться на лето в бывшие польские земли — в Трокский уезд.

— Бесстыдники! — подбородок княгини дрожал от возмущения. — Вводят своих любовниц в порядочный круг, возят на балы!

Княгиня отчаянно ревновала: о ту пору полячки имели репутацию роковых соблазнительниц. А российские орлы — недавние покорители Польши — с легкостью ловились на крючок и вознаграждали себя за военные победы. Почитая (всуче) супруга отчаянным ловеласом, княгиня не желала вновь оказаться рядом с обольстительной приманкой. И пусть в барском доме и в ближайшей к дому деревне барыня «искоренила искус», заселив их людьми из своего калужского имения, опасный соблазн так и витал в воздухе западных губерний.

— Ангел мой, Господь с тобою, — преодолевая некоторое сопротивление, князь прижал седеющую голову ее сиятельства к своей груди. И пока супруга что-то жарко шептала в его бархатный жилет, замер, потерянно глядя в мертвый зев камина. Он знал, что сильно виноват перед женой. Но знал также, что амурные дела не имеют к его постыдной тайне никакого отношения. И что уж лучше прослыть ветреником, чем открыть своей Александриной страшную истину.

* * *

Наконец провожаемые толпой дворовых во главе со старой нянькой, со слезным поцелуем приложившейся к барынинному плечу, с Божьей помощью выехали со двора и медленно, вслед за такими же вереницами семейных помещичьих обозов покатались в сторону летних своих резиденций. Княгиня расправила юбку дорожного платья и вздохнула, оглядываясь на городской свой дом. Она знала, что прислуга, в последний раз истово перекрестив бар на дорожку, миг изменит

строгому домашнему распорядку: праздный лакей сядет у крыльца бренчать на балалайке, горничные примутся точить лясы у ворот. Мимо них, щелкая орешки, будут прохаживаться приказчики из ближней лавки. Москва на лето плотно захлопнет ставни, опустеет и притихнет. В садах за бланжевыми, охряными, кофейными фасадами станут заливаться разве что соловьи да голосить по барским прудам лягушки, вырастет вдоль мощеных дорог никем не скашиваемая трава... И еще явственнее станет ее деревенская суть.

Вглядимся вслед за княгиней из окна дорожной кареты назад и мы. И вздохнем — но о другом. Через четыре месяца той Москвы, которую знает ее сиятельство, не станет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Цвети, в виду двойной лазури
Родных небес, родной реки
Затишье, пристань после бури
И мрачных дней, и дней тоски.

Петр Вяземский

В то время планета наша весила на несколько миллиардов душ меньше, небеса населяли лишь птицы да ангелы, землю — исключительно натуральный, а не искусственный — разум. И потому та жизнь кажется нам сейчас более наполненной свободным пространством, воздухом и покоем. Мы смотрим на нее через призму времени, полного живописных нюансов, — у картины отсутствует четкость, но сила воображения делает прошедшее в сто раз привлекательнее нашей отфотографированной и растиражированной реальности. Оглядываться, писал Бродский, занятие много более благодарное, чем смотреть вперед. Добавим: попытка заглянуть в далекое прошлое помогает забыть настоящее — тем и ценно.

И вот мы пристально, до рези в глазах, всматриваемся в растекающиеся во все стороны от древней столицы пылящие караваны. Подобно современным дачникам, московские бары отбывают в летние свои резиденции — подобно, однако с бóльшим размахом. По Литовскому тракту, через Смоленск, всю тысячу без малого верст, едут они без спешки, со всевозможным комфортом

располагаясь в шатрах и палатках, откушивая чем Бог послал — а точнее, предусмотрела кухарка: жареной телятиной и индейкой, пирогами с курицей и мясом, сдобными калачами с запеченными в них целыми яйцами. Останавливаются у гостеприимной провинциальной родни дней на пять... А после вновь трогаются в путь, в тщетной попытке спастись от вездесущей пыли плотно задергивая шторы безразмерных карет.

Перед каретой, в которой сидели трое младших Липецких, мерно покачивался высокий кузов родительского экипажа. Алексей, с серым от пыли лицом, дремал. Николенька, дюжий и неуклюжий, как медвежонок, с детской радостью приветствовал каждый замеченный издалика верстовой столб. Одна Авдотья не могла ни заснуть от жуткой тряски, ни должным образом сосредоточиться на иной, после страстной Олимпиады, книге. «Женщина рождена свободной и равной в правах мужчине, — крутилось в ее голове, и Дуня все не могла понять, как ей к этому относиться. — Мужчины, способны ли вы быть справедливыми? Этот вопрос задает вам женщина. Вы не можете приказать ей молчать. Скажите мне, кто дал вам право унижать мой пол? Ваша сила? Ваши таланты? Взгляните на нашего Мудрого Творца, на величие природы, к гармонии с которой вы стремитесь, и, если сможете, найдите еще хоть один пример такого же деспотизма».

Дуня смотрела на создание нашего Мудрого Творца за окном экипажа и, размышляя над мадам де Гуж, день ото дня чувствовала, как постепенно теплеет воздух вокруг.

И вот, спустя три недели после выезда из Первопрестольной, перед умиленным взором путешественников возникли родные леса и пущи. Зашелестели сады: уже отцветшие, но здоровой июньской зеленью обещавшие хозяевам недурной урожай сапежанских груш, мирабели и шпанской вишни.

Дуня любовно вглядывалась в живописные холмы, взблескивающие солнечной искрой в низинах озера с замшелыми валунами: разнообразный пейзаж, ничего

общего не имеющий с калужским их имением, где в обе стороны от дороги уходила одна плоскость вызревающих полей. Здесь же, в бывшей Речи Посполитой, владения непокорной шляхты были розданы преданным великорусским родам, и жизнь текла хоть и провинциально-сонно, но все-таки иначе, чем в российской глубинке. Сама шаткость, недавность принадлежности этой земли к империи придавала ей нерусскость, отличную, как и здешний пейзаж, от горизонтали российских степей. То была вполне европейская, не режущая глаз экзотика, как легкий польский акцент во французском у местной аристократии. Это-то и нравилось Авдотье, никогда не выезжавшей за границу (скучные воды не в счет).

Сейчас она, отбросив дорожную скуку, приподнявшись над сиденьем и высунув голову в окно, на спор с младшим братом ждала, когда за следующим поворотом покажется Приволье: сначала ворота, а за ними — начисто выполотая к барскому приезду и посыпанная светлым речным песком, по обе стороны обсаженная старыми липами подъездная дорога. В конце ее вырастала громада главного дома. Огибая внушительных размеров крыльцо, поднималась к палладиевскому фасаду о четырех колоннах парадная лестница. Дом, будто корабль, торжественно вливался в липовую аллею. Правое и левое крылья здания откинута были назад, другая сторона усадьбы служила уютным пристанищем для семьи и друзей. Замкнутый мир, построенный вокруг круглого пруда и спускающегося к речке парка с беседкой.

— Вон, вон ворота! — вскричал Николенька.

И правда, показались ворота, наследие непокорного пана, которому раньше принадлежали и эта земля, и этот дом, пусть и изрядно перестроенный маменькиными (и итальянского архитектора) стараниями.

За воротами с поросшими мхом львами уже собралась дворня, и Авдотья затормошила погруженного в немецкий роман старшего брата:

— Алеша, мы приехали, приехали! Да оторвись же ты, смотри, красота-то какая!

Брат послушно перевел глаза от готических строк к зелени подъездной аллеи: меж стволов старых лип мелькал во всполохах солнца травяной ковер в россыпи мелких белоснежных маргариток, а дальше, по левую руку от приезжих, темнела знаменитая на весь уезд роща с трехсотлетними дубами.

* * *

По приезде каждый занялся своими делами: батюшка уединился в курительной с управляющим, матушка раздавала приказы разбирающей пожитки дворне.

— Акулька, аккуратнее, не разбей! — доносилось с крыльца. — Ах, Боже милостивый, что с тобой нынче, Кондрашка, носи это на кухню!

Стараясь не попасться матери на глаза, трое младших Липецких прокрались мимо неплотно затворенной двери кабинета. Оттуда слышен был сухой стук костяшек деревянных счет и бубнящий голос Андрея, барского управляющего:

— За мельницу — тысяча рублей. Залогов из казны обратно — десять тысяч. Сена можно продать семь тысяч пудов — кладем по сорок пять копеек за пуд. Из сих денег десять тысяч в Совет за Приволье...

Алеша, поморщившись, потянул сестру за руку — дела хозяйственные вызывали у него явное отвращение. Николенька уже бросился вперед, более всего на свете боясь, что родители усадят его за зубрежку стиха из Сумарокова, а то и за чтение «Истории России». Гувернер его, месье Блуа, остался страдать от инфлюэнцы в московском доме, и младшее сиятельство не без оснований надеялся, что с известной ловкостью сумеет избежать частых педагогических порывов любящих родителей. Радостно помахав старшим брату с сестрой, он вылез прямо из французского окна в малой гостиной и вприпрыжку побежал на псарню — осматривать свежий щенячий помет. Алеша же с Авдотьей вместе прошли через центральную ротонду к низкому широкому крыльцу

с другой стороны дома, где, не сговариваясь, взялись за руки.

— Ах, Алеша, как хорошо! — Дуня глубоко вздохнула и зажмурилась.

Началось привольное лето. Хотелось, как Николенька, вприпрыжку обежать все знакомые места — от ручья с резным мостиком до лебединого домика и ежевичных зарослей внизу у речки.

— Погоди, — протянул брат, отпустив ее ладонь. — Неужто думаешь резвиться, словно неразумное дитя?

Дуня даже не обернулась, заранее зная, что он собирается сказать.

— Ведь мы тут по твоей милости, ма шер. Больше никаких игр в горелки. Вспомни-ка лучше о запертых в сундуках муаре и гризете да о тоскующих по казармам бравых уланах да гусарах! Каков выбор нынче в Вильне: сам государь и гвардия!

— Сам вспомни-ка лучше о колете своем да рейтузах! Больше никаких философов, братец! А то натянул бы мундирчик и отправился б со мною в Вильну повидать будущих товарищей!

И зная, что теперь-то уж они, наверное, испортили друг другу настроение — *donnant donnant*¹ (взялся явить, так уж сестра тоже за словом в карман не полезет), — Дуня показала ему беззлобно язык и сбежала по пологим ступеням в сад.

* * *

Ужинать сели засветло, распаренно-ленивые после смывших многодневную пыль ванн и переодетые в чистое. Расположились вчетвером (Николенька с дядькой столовничали на детской половине) за круглым столом в малой столовой. Ставни по Дуниной настойчивой просьбе были приотворены, впуская вместе с июньской мошкаррой-кровопийцей медово-свежий запах жасмина

¹ Услуга за услугу (*фр.*).